



УДК 340.12  
DOI 10.25688/2076-9113.2022.45.1.10

**И. А. Белова**

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,  
Российская Федерация  
E-mail: belov2@tut.by

## **ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ СОСТОЯНИЕ В ГОДЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ**

***Аннотация.*** В статье анализируется положение академической науки в годы революционных преобразований в России, их восприятие учеными, включая вклад последних в развитие Академии наук на стыке исторических эпох. Автор рассматривает влияние событий 1917 года на отечественную науку, анализирует деятельность научных кругов в контексте ее дальнейшего становления в советской России. В статье подчеркивается, что сохранение, реорганизация и открытие новых научных учреждений, в том числе проведение научных исследований, напрямую зависят от надлежащего финансирования со стороны государства. Исследуется комплекс проблем, с которыми столкнулось академическое сообщество в условиях аномии, характерной для глобальных экономических, социокультурных и политических потрясений, а также реакция профессионального объединения на вызовы, порожденные новой реальностью.

***Ключевые слова:*** академическая наука; революция; финансирование науки; правительство; сотрудничество.

## Введение

**Д**ве революции — Февральская и Октябрьская — в 1917 году ознаменовали собой новый этап развития истории России. И на этом сложном переходном этапе встали вопросы о том, какую роль сыграет в новой жизни Академия наук и какова дальнейшая судьба академической науки в целом.

События Февральской революции до настоящего времени представляют особый интерес и освещаются историческим научным сообществом в разных аспектах. При рассмотрении работ советского периода главный акцент делается либо на достижениях в научной сфере («...советское государство высвободило энергию ученых, которая сдерживалась реакционным царским режимом...») [1], либо, напротив, акцентируется пагубное влияние, которое оказал на ученых советский режим [19].

И до сих пор остаются актуальными вопросы о том, что же принесли обе революции российской науке. Явились ли они ренессансом русской науки или ее крахом? Был ли в тех условиях компромисс науки и государства перспективным? Повлиял ли он на финансирование науки и насколько плодотворным оказалось это сотрудничество?

Опубликован огромный ряд работ, в которых проанализированы достоинства и недостатки преобразований в России как в научной сфере, так и в экономической и общественной жизни. Тем не менее остается неясным, были ли преобразования в сфере науки и трансформация Императорской академии наук в Российскую угодливым слиянием с государственной властью или перспективным симбиозом? Если смотреть на данный вопрос через призму выгоды сотрудничества академического сообщества с властью, то почему имела место массовая эмиграция ученых, доносы друг на друга, отказы в командировках за границу, ухудшение финансирования и условий для проведения исследований, навязывание политической идеологии? С другой стороны, если верно второе, то почему власть более осуществляла планы ученых, нежели ученые выполняли властные установки? Цель работы — показать процесс адаптации в 1917 году академического сообщества к новым политическим реалиям. Необходимо проследить процесс взаимодействия науки и власти после событий Февральской революции, рассмотреть вопрос, как эти события в разных аспектах повлияли на академический корпус.

## Методы

В статье используются методы анализа, описания, классификации, дедукции, а также историко-правовой метод и контент-анализ.

### Основная часть

Большинство академиков, не отличившихся лояльным отношением к царскому правительству, было избрано в состав Академического союза, который был создан после Первой русской революции 1905–1907 годов по итогам совещания профессуры Санкт-Петербурга, прошедшего 20 декабря 1904 года (02.01.1905) (Всероссийский союз деятелей науки и просвещения). Академический союз был учрежден манифестом «Записка о нуждах просвещения» (12(25).01.1905), подготовленным к 150-летию Московского университета. Записку подписали 342 ученых, в том числе лаборанты и ассистенты. Среди подписавших были А. Н. Бекетов, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, И. П. Павлов, К. А. Тимирязев, А. А. Шахматов. В Записке ученые изложили свои требования относительно реформы высшей школы, и требования эти основывались на принципах академической автономии.

Несмотря на оппозиционность взглядов Академического союза, в годы Первой мировой войны Академия наук занимала важное место в работе комиссий Госсовета, военно-промышленных комитетов и Всероссийских земских и городских собраний, занималась вопросами снабжения армии и оборонной промышленности.

Подробное описание отношений академического сообщества к правительству представлено в статье Э. И. Колчинского «Первая мировая война и мобилизационная модель организации академической науки» [7].

Академики В. И. Вернадский, Н. И. Андрусов, А. П. Карпинский, Н. С. Курнаков и князь Б. Б. Голицын 21 января 1915 года подписали заявление о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). КЕПС была отведена отдельная роль: «организация научного творчества для обороны от врага и для роста нашего национального богатства» [8, с. 26].

Первоочередное направление работы комиссии — это сбор сведений о естественных производительных силах России. Создавая КЕПС, ученые ориентировались в том числе на опыт зарубежных коллег в сфере исследования природных ресурсов.

КЕПС обеспечивала рост военного производства, а также снабжала фронт и тыл армии необходимым стратегическим сырьем — продуктами питания, одеждой и снарядами.

Комиссия работала и в 1917 году, когда страну захлестнули революционные события: «Комиссия медленно работает, но не замирает, скорее даже расширяется; уже проходят Институт физико-химического анализа, платиновый. Двигаются — хотя и медленно — и другие. Так странно, как идет эта работа творческая среди разрухи ужасающей» [8].

Академия наук не смогла остаться в стороне от политической ситуации 1917 года. Так, фамилии Ольденбурга и Вернадского оказались в списке академиков, подписавших письмо Николаю II с предложением отречься от престола.

Под влиянием Февральской революции оппозиционные силы разделились на несколько лагерей и, по мнению А. И. Деникина, они оказались на стороне либерально-охранительного направления [4].

Академический корпус отреагировал на новую власть обращением, которое руководители отправили Временному правительству, где сообщалось о готовности Академии предоставить все свои знания для служения Родине. Это был своего рода реверанс перед Академией наук. В марте 1917 года на общем собрании помимо всего прочего было одобрено обращение Академии наук к Временному правительству.

В Академии наук многое изменилось после революции в феврале. Теперь она стала работать автономно, также состоялось ее переименование из Императорской в Российскую. Изменения коснулись и устава академии. В некоторые пункты устава были внесены коррективы, касающиеся выбора президента Академии. 15 мая 1917 года первым избранным президентом Академии наук стал один из старейших академиков геолог Александр Петрович Карпинский.

Помимо реформ внутри Академии наук было решено создать несколько научных комиссий: Комиссию по ученым учреждениям и научным предприятиям и Комиссию по реформе высших учебных заведений. На совещаниях комиссий поднимались вопросы финансирования, которые стали особенно актуальны в период революционных событий, ставились задачи по созданию новых и реформированию старых научных учреждений. Целью ученых было не только расширение Академии наук, но и создание новых научных учреждений. Все это могло быть реализовано лишь при условии должной финансовой поддержки со стороны государства.

Летом 1917 года после назначения С. Ф. Ольденбурга министром Временного правительства, а В. И. Вернадского — главой Отдела высшей школы и организации научных учреждений началась работа над программой по созданию высших учебных заведений в разных городах России, совмещавших в себе задачи научного и профессионального образования.

Однако, несмотря на эти положительные моменты, перемены внутри государства не могли не повлиять на Академию наук и академиков самым губительным образом: были и недостатки в финансировании, и трудности с продовольствием, и т. д.

Сразу после Февральской революции в научном сообществе было много ученых, которые задались вопросами о том, что, в сущности, революция сулит России, усвоены ли уроки Первой русской революции?

Обратимся к тому, что писал Николай Александрович Бердяев: «Безысходна драма русской революции потому, что она продолжает дело человеческого самоутверждения, человеческого властолюбия и устроения земли во имя свое; она разрушает старый империализм и хочет поставить на его место новый, революционный, демократический империализм, хотя значение государства не понимает» [2, с. 47–48].

Горячо приветствуя Февральскую революцию, академический корпус столкнулся впоследствии с порожденными ею безвластием и разрухой.

Анализируя отношение ученых к Октябрьской революции, можно оценить его как резко негативное. Неоднократно собирались заседания Российской академии наук для обсуждения сложившейся обстановки в России. В результате заседаний была избрана комиссия в лице академиков А. С. Лаппо-Данилевского, М. И. Ростовцева, С. Ф. Ольденбурга, М. А. Дьяконова, А. А. Шахматова для составления проекта обращения к гражданам, утвержденного Собранием комиссии и Советом научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда во главе с академиком А. П. Карпинским. В проекте была высказана поддержка Учредительному собранию.

«В твердом единении верных сынов родины служители науки и просвещения сознают ее мощь и преклоняются пред ее волей: они готовы всеми своими знаниями и всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую Россия возлагает на Учредительное собрание» [5].

Академики отреагировали на Октябрьскую революцию довольно резко.

Ученые наотрез отказались сотрудничать с большевиками: «...классовый террор приведет к нарушению преемственности в развитии науки» [6, с. 170].

Не поддержав Октябрьский переворот, Академия наук оказалась перед дилеммой. С одной стороны, отказ от сотрудничества академического сообщества с властью сулил проблемы с финансированием. С другой стороны, получая финансирование нового правительства, Академия наук не сможет не выполнять государственных заданий, тем самым реализуя не свои интересы, а интересы властного корпуса.

Академическое сообщество разбилось на два лагеря. Одни переосмысливали свои убеждения, осознавая, что только новая власть может навести порядок в государстве и создать прочный фундамент для развития науки.

Другие, не желая сотрудничать с властью, эмигрировали или жили на оппозиционных территориях. Среди них были академики В. И. Вернадский, П. Б. Струве, П. Г. Виноградов, Н. П. Кондаков и др. [3].

Академик И. П. Павлов воспринял приход большевиков с опасением. Он говорил постоянно о гибели родины, критически относился к проводимой ими политике в различных областях [14].

Стоит повторить, что важным фактором для диалога с властями стали затруднения в получении финансов для науки в Государственном казначействе. Банки были национализированы. Вдобавок к этому прибавилась и угроза голода. В этих условиях в 1918 году была создана Л. Г. Шапиро в Накромпросе специальная секция, которая занималась разработкой предложений к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства. Перед академиками была поставлена задача всестороннего исследования народно-хозяйственного труда. Эта секция являлась прототипом созданной еще в 1915 году при царском режиме Комиссии по изучению естественных производительных сил России.

Академия наук дала ответ в виде письма, среди прочего в нем говорилось о готовности ученых всячески содействовать выполнению задач, поставленных государством.

В апреле 1918 года ВЦИК одобрил результаты этих переговоров и признал необходимым финансировать Российскую академию наук. Помимо этого, он указал Академии наук на требующую безотлагательного решения проблему неоптимального и неэффективного распределения и использования промышленного потенциала страны [13].

Следствием этих шагов стало, с одной стороны, изменение статуса Академии наук, превратившейся в государственное учреждение, а с другой стороны, для советской власти был важен союз с «прогрессивными» академиками [11, с. 321]. Так большевики показывали миру свое беспокойство за дальнейшую судьбу страны, а ученые заручились поддержкой нового правительства, стали консультантами и экспертами на службе у государства.

В речи М. Н. Покровского на заседании Государственной комиссии по просвещению (ГКП) 24 апреля 1918 года впервые были озвучены мысли о необходимости радикальных изменений в структуре Академии наук. Проектом реформы занялся научный отдел Наркомпроса.

В проекте предлагалось ликвидировать Академию наук «как совершенно ненужные пережитки ложноклассической эпохи развития классового общества» [12, с. 20], а вместо нее создать сеть институтов. Идея состояла в том, чтобы создать ассоциацию для каждой отрасли наук с управляющим органом во главе — советом. Верховный совет получал руководство над всей наукой. М. Н. Покровский занялся организацией новой академии — Социалистической академии общественных наук, которая в итоге была преобразована в Коммунистическую.

Уже с осени 1918 года ученые попали в череду страшных испытаний: аресты, болезни, холод, голод. Долгие дискуссии и переписки с властью об улучшении положения академического корпуса вылились в подлинную борьбу академиков за выживание. Это отражено в письме 25 сентября 1918 года, отправленном А. П. Карпинским и С. Ф. Ольденбургом в Наркомпрос: «В настоящее время люди умственного труда находятся в особо тяжелом положении, ... в их среде наблюдается, по заключению врачей, особо сильное физическое истощение и ряды их тают с чрезвычайной быстротой, вследствие болезней, многочисленных смертей и отъездов за границу» [17]. М. Горький позвонил В. И. Ленину и выступил в поддержку ученых, попросил о налаживании для них минимального жизненно важного пропитания [Там же, с. 162]. После чего было принято решение о создании Центральной комиссии по улучшению быта ученых, благодаря деятельности которой наладилось их обеспечение продовольствием.

Еще в одной записке в Совет народных комиссаров А. П. Карпинский и другие академики отмечают: «... те громадные жертвы, которые уже принесены за эти годы, не имеющие себе равных в истории науки, имеют смысл и оправдание лишь тогда, когда они приносят пользу и помогают делу... Ясно, что если одни из русских ученых погибнут в России жертвой ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России» [9, с. 85]. Тем не менее их призыв не был услышан.

## Выводы

Пройдя многие испытания, ученые осознали, насколько невыгодным было вступать в конфронтацию с новой властью. Большевиков же интересовала только практическая сторона вопроса. Финансировались те научные учреждения, которые приносили или могли принести практическую пользу новой власти. Ученым приходилось выполнять проекты, во многом противоречившие интересам науки.

Анализируя взаимоотношения академической науки и государства на переходных этапах истории, важно понимать, что необходимо сохранять не только те выводы или уроки, которые дает богатый опыт развития науки как таковой, но и те уроки, может быть, самые главные, которые дают возможности для сохранения и существования самой академической структуры, ее основных целевых принципов и деятельности во имя науки и государства.

## Литература

1. Бахракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917–1922) / под ред. С. Р. Микулинского. М.: Наука, 1973. 294 с.
2. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции: собрание сочинений. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. 396 с.
3. Вернадский В. И. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981. 349 с.
4. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова: Авг. 1917 г. – апр. 1918 г. М.: Наука, 1991. 375 с.
5. Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М.: Наука, 1971. 271 с.
6. Колчинский Э. И. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 2. С. 166–176.
7. Колчинский Э. И. Первая мировая война и мобилизационная модель организации академической науки // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 3. С. 261–268.
8. Кольцов А. В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914–1918 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2.
9. Кольцов А. В. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л.: Наука, 1969. 280 с.
10. Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 224 с.
11. Летопись Российской Академии наук. В 4 т. Т. 4 (1901–1934) / гл. ред. Ю. С. Осипов, отв. ред. Э. И. Колчинский, Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2007. 1052 с.
12. О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6–8. С. 17–22.
13. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 419 с.
14. Петрова М. К. Из воспоминаний об академике И. П. Павлове // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65. № 11. С. 1016–1023.

15. Романовский С. И. Наука под гнетом российской истории. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 340 с.
16. Синельникова Е. Ф. Научные общества Петрограда и революция 1917 года // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 20–38.
17. Чуковский К. И. Дневники. Воспоминания // Новый мир. 1990. № 7. С. 140–177.
18. Шицкова А. П., Новиков Ю. В. Гармония или трагедия? М.: Наука, 1989. 271 с.
19. Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party: 1927–1932. Princeton: Princeton University Press. 1932. 276 p.

### *Literatura*

1. Bastrakova M. S. Stanovlenie sovetsoj sistemy` organizacii nauki (1917–1922) / pod red. S. R. Mikulinskogo. M.: Nauka, 1973. 294 s.
2. Berdyayev N. A. Duxovny`j krizis intelligencii: sobranie sochinenij. M.: Kanon+: ROOI «Reabilitacija», 2009. 396 s.
3. Vernadskij V. I. Stranicy avtobiografii V. I. Vernadskogo. M.: Nauka, 1981. 349 s.
4. Denikin A. I. Oчерki russkoj smuty`. Bor`ba generala Kornilova: Avg. 1917 g. – apr. 1918 g. M.: Nauka, 1991. 375 s.
5. Esakov V. D. Sovetskaya nauka v gody` pervoj pyatiletki. Osnovny`e napravleniya gosudarstvennogo rukovodstva naukoj. M.: Nauka, 1971. 271 s.
6. Kolchinskij E`. I. Akademiya nauk i russkie revolyucii 1917 goda // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2017. T. 87. № 2. S. 166–176.
7. Kolchinskij E`. I. Pervaya mirovaya vojna i mobilizacionnaya model` organizacii akademicheskoy nauki // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2015. T. 85. № 3. S. 261–268.
8. Kol`czov A. V. Deyatel`nost` komissii po izucheniyu estestvenny`x proizvoditel`ny`x sil Rossii: 1914–1918 gg. // Voprosy` istorii estestvoznaniya i texniki. 1999. № 2.
9. Kol`czov A. V. Lenin i stanovlenie Akademii nauk kak centra sovetsoj nauki. L.: Nauka, 1969. 280 s.
10. Laxtin G. A. Organizaciya sovetsoj nauki: istoriya i sovremennost`. M.: Nauka, 1990. 224 s.
11. Letopis` Rossijskoj Akademii nauk. V 4 t. T. 4 (1901–1934) / gl. red. Yu. S. Osipov, otv. red. E`. I. Kolchinskij, G. I. Smagina. SPb.: Nauka, 2007. 1052 s.
12. O reforme deyatel`nosti ucheny`x uchrezhdenij i shkol vy`sshix stupenej v Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respublike // Vestnik narodnogo prosveshheniya Soyuza kommun Severnoj oblasti. 1918. № 6–8. S. 17–22.
13. Organizaciya nauki v pervy`e gody` Sovetskoj vlasti (1917–1925): sbornik dokumentov. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1968. 419 s.
14. Petrova M. K. Iz vospominanij ob akademike I. P. Pavlove // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 1995. T. 65. № 11. S. 1016–1023.
15. Romanovskij S. I. Nauka pod gnetom rossijskoj istorii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-та, 1999. 340 s.
16. Sinel`nikova E. F. Nauchny`e obshhestva Petrograda i revolyuciya 1917 goda // Novejshaya istoriya Rossii. 2020. T. 10. № 1. S. 20–38.
17. Chukovskij K. I. Dnevnik. Vospominaniya // Novy`j mir. 1990. № 7. S. 140–177.
18. Shiczkova A. P., Novikov Yu. V. Garmoniya ili tragediya? M.: Nauka, 1989. 271 s.
19. Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party: 1927–1932. Princeton: Princeton University Press. 1932. 276 p.



I. A. Belova

## FEATURES OF STATE FUNDING OF ACADEMIC SCIENCE AND ITS CONDITION DURING FEBRUARY AND OCTOBER REVOLUTIONS

**Abstract.** The article analyzes the position of academic science during the years of revolutionary changes in Russia, their perception by scientists, including the contribution of the latter to the development of the Academy of Sciences at the turn of historical eras. The author examines the impact of the events of 1917 on domestic science, analyzes the activities of the scientific community in the context of its further development in Soviet Russia. The article emphasizes that the preservation, reorganization and opening of new scientific institutions, including the conduct of scientific research, directly depend on proper funding from the state. The complex of problems faced by the academic community in the conditions of anomy, typical of global economic, social cultural and political upheavals, as well as the reaction of professional associations to the challenges generated by the new reality, is studied.

**Keywords:** academic science; revolution; science funding; government; cooperation.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2021;  
одобрена после рецензирования: 10.01.2022;  
принята к публикации: 13.01.2022.

The article was submitted: 14.12.2021;  
approved after reviewing: 10.01.2022;  
accepted for publication: 13.01.2022.